

Ася Петрова

НИКОГДА
НЕ
РАЗГОВАРИВАЙТЕ
С
ВОЛШЕБНИКАМИ

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Узнай же, Санчо, что для волшебников нет ничего легче, как заставить нас видеть то, что им захочется.

*Мигель де Сервантес Сааведра
«Дон Кихот Ламанчский»*

ГЛАВА 1

Никогда не разговаривайте с волшебниками

Когда Вере было пять лет, ей казалось, что она уже прожила длинную-предлинную жизнь и скоро настанет пора заводить внуков. На прогулке с бабушкой в парке девочка подходила к мамам с колясками и наблюдала за грудными детьми. То и дело поправляла им одеяльца и ласково щекотала подмышки.

К двенадцати годам Вера стала совершенно самостоятельной барышней. Она сама пекла пироги, прибирала квартиру, пылесосила, ездила в школу на другом конце города, а ещё путешествовала по стране, когда её приглашали на мастер-классы. Мама не очень хотела, чтобы Вера стала музыкантом и всю жизнь играла на флейте. Она сердилась, когда девочка подолгу просиживала в своей комнате, и вместо того, чтобы делать уроки, часами извлекала из инструмента бессмысленные звуки. Мама раздражалась и говорила папе, чтобы лучше он купил дочке собаку, но папа не любил собак,

а флейта его ни капельки не беспокоила. Иногда мама выходила из себя, хлопала дверьми, кричала, что от флейты у неё в очередной раз разболелась голова и что нормальные дети столько не играют. Однако Вера упорствовала. Флейта была её лучшим собеседником, самой живой из всех её воображаемых подруг, самой верной спутницей и самой доброй сказочницей. Каждый раз инструмент придумывал необычные звуки, каждый раз мелодии сплетались по-новому, рассказывали загадочные истории, заманивали в таинственные страны. У Веры в голове возникали целые планеты, заселённые музыкальными инструментами. Каждый день, ложась спать, она представляла, что оказывается в таком мире, где отовсюду доносится музыка, где дни напролёт можно играть на флейте и никогда не ходить в школу.

Иногда занятия музыкой Вере, конечно, надоедали, но причиной тому были глупые училки. Они, по глубочайшему убеждению девочки, ничегошеньки не смыслили в приколах флейтизма.

На нижней полке ночного поезда Вера втихомолку радовалась, что после недели утомительных занятий наконец вернётся домой. Она также размышляла об учительнице по флейте, которая могла бы быть полюбезней и не орать в ухо всякий раз, как ученица не делает вовремя «пиано», и вообще, что мастер-классы — чертовски неудобная штука.

Было около двенадцати, но Вере не спалось. Соседка на ближней полке без остановки наступивала эсэмэски, и звук кнопок отдавался в голове, словно топот маленького ёжика по деревянному

полу. Флейта в футляре лежала под полкой, куртка висела на крючке, двое пассажиров наверху спали крепким сном. Девочка приподнялась на ладонях, упёрлась локтями в подушку и бросила продолжительный взгляд в окно. Было начало апреля, и погода стояла отвратительная. Растаявший снег, грязные дороги; днём — солнце, выглядывающее только под настроение, а ночью — небо без единой звезды. На деревьях уже всюду набухали почки, но вот до листвы было ещё далеко, и оттого они казались такими надутыми и недовольными.

Вера разочарованно отвернулась от окна и косо посмотрела на тётеньку с мобильным телефоном, пытаясь, как в сказках, взглядом заставить её выпустить трубку из рук. Однако пассажирка и ухом не повела, а Вере было неловко делать замечание старшим. Тогда девочка громко кашлянула, показав, что не спит. Соседка упорно продолжала нажимать на кнопки. Вера ещё раз кашлянула и, почувствовав в себе огромный талант к актёрской игре, зашла в непрерывном кашле, рискуя перебудить весь поезд. Когда театральный порыв иссяк и девочка притихла, дама с телефоном уселась на своей полке и как бы незначай бросила:

— Что там, Москва, кажется?

Вера оглядела с головы до ног соседку в синей пижаме.

— Да, верно. Москва уже скоро.

— Это хорошо. А почему ты не спишь? — спросила дама.

— Никогда не могу заснуть в поездах.

— Понятно. В Петербург едешь?

— Да, а вы?

— В Тулузу. — Соседка посмотрела на Веру, улыбнулась и чуть склонила голову набок.

— В Тулузу? — удивилась Вера. — А что это за город такой?

— Большой розовый город с красными черепичными крышами. Там живут люди, которые не помнят своих имён...

Вера удивлённо смотрела на даму. В голову внезапно пришла мысль, что она могла перепутать поезд. Девочка испугалась. Она вовсе не собиралась ни в какую Тулузу, ей надо было домой.

Соседка как угадала Верины опасения и, засмеявшись, сказала:

— Не бойся, ты села в нужный поезд. Всё будет хорошо. Я тебе обещаю. Кстати, меня зовут Мадлен Дюваль.

Вера наморщила лоб.

— Это что, псевдоним?

Синяя дама опять засмеялась.

— Вотсе нет. Это самое настоящее имя — Мадлен Дюваль. Красивое, да? Не то что у тебя.

— Не-а, мне моё больше нравится, — упрямо ответила Вера.

— Надо же, какая самоуверенная попалась!

Девочка промолчала. Мадлен снова уткнулась в телефон. Вера не сводила с неё глаз.

«Она похожа на Мэри Поппинс. Та также носит синее... нет, чушь. Она напоминает Карлсона. Он тоже был большой и толстый... нет, она же дама всё-таки. Слива. Точно. Или большой сиреневый цветок, нет — синий ирис. Да, точно, огромный, пухлый бутон ириса, да».

Соседка прервала Верины размышления, бесцеремонно отпихнув девочку к стенке и присев рядом.

— Я, случайно, не помешаю? — лукаво спросила Мадлен и тут же снова переключилась на телефон.

Вера помотала головой — впрочем, дама и не заметила.

— Кто пишет сообщения по ночам? — вздохнула Вера, немного осмелев после того, как Мадлен со своим телефоном заняла половину полки.

— Все! В Тулузе по ночам пишут все. Это же так здорово! Даже детям, таким, как ты, разрешается переписываться друг с дружкой по ночам.

Вера растерялась. Ей вдруг стало обидно, что в Тулузе все переписываются, пока она спит.

— А с кем вы переписываетесь?

— С малышами Николя и Жоффруа.

— Это ваши сыновья?

— Нет, что ты, это мои друзья.

— Все из Тулузы?

— Да, они там писателям помогают.

— Вы же сказали, они малыши...

— Ну и что?

— Как же малыши могут писать книги?

— Я не говорила, что они пишут. — Мадлен весело посмотрела на Веру.

— А что они делают?

— Живут своей жизнью.

— А при чём здесь литература? — Вера почувствовала, что ей морочат голову.

— Боже, эта девочка никогда не читала книжек про малыша Николя! — всплеснула руками Мадлен. — Какой позор!

— Не понимаю, вы только что говорили, как они живут где-то...

— Да ты просто ловишь слова на лету, но сообщаешь туго.

Вера насупилась: теперь она была ещё и тугодумкой.

— Я не виновата, что никогда не была в вашей Тулузе и ничего не знаю, — произнесла она угрюмо, — и вообще не верю, что этот поезд туда приедет...

Вера начинала сердиться. Что за ерунда? Тётушка в синей пижаме словно загадывала странные шарады, которые невозможно было отгадать.

— Надо же, какая недоверчивая попалась, вы только посмотрите!

Мадлен рассмеялась. Вера молчала.

— Нельзя же никому и ничему не верить!

— Почему? — спросила девочка, глазом не моргнув.

Тут Мадлен нахмурилась, потёрла кривоватый нос, горой возвышавшийся на лице, положила телефон на стол и погладила Веру по голове.

— Потому что ты тулузская девочка. Смотри скорей. — Мадлен показала Вере свою ладонь. — Стоит только произнести три волшебных слова, как ты окажешься в Тулузе.

Вера молчала, пытаясь осмыслить слова Мадлен.

— Фу, какой у тебя жуткий взгляд, — сказала Мадлен. — Хватит на меня так смотреть, я знаю, ты проверяешь меня. Проверяешь, да? Ну и как? Все ли мои сказки тебе понятны?

— Про Тулузу?

Мадлен снова засмеялась:

— Поверь, мы с тобой встретились неслучайно.

— Правда?

— Правда. Это что-то вроде встречи старых друзей.

— Почему? Мы же не были раньше знакомы! — удивилась Вера.

— Это тебе только так кажется.

Было около двух часов ночи. Глаза у Веры слипались, но воображение продолжало работать. Мадлен вдруг показалась сливовым кустом с большими синими листьями; девочка положила голову ей на плечо, словно прислонилась к стволу дерева, и закрыла глаза.

— А что за три волшебных слова?

Мадлен подняла взгляд к потолку, улыбнулась, взмахнула рукой, словно подбрасывая что-то в воздух, и прошептала: «Он сан фу».

Никогда не соглашайтесь жить на дереве

Кто-то с силой дёрнул Веру за нос, и она проснулась.

— Вставай, ленивая девчонка, и отправляйся собирать пионы. Мне надо успеть сварить из них кисель до того, как вернётся Бегбедер.

Вера вскочила и вытаращила глаза. Она лежала на маленькой жёлтой кровати в незнакомой комнате, а перед ней стояла женщина в рыжем одеянии с рыжими жёсткими волосами и с метлой в руках.

— Повторяю ещё раз! Немедленно отправляйся за пионами! — с негодованием произнесла женщина, выпучив на Веру зелёные глаза.

— Вы кто? — робко, едва переводя дыхание, проговорила Вера.

— Ты что! Ирисовой каши объелась?! Не узнаёшь?! Я Старая Черепаха! Между прочим, ты у меня работаешь и должна выполнять свои обязанности...

Тут у Черепахи зазвонил мобильный телефон.

— Алло? Привет, Бегбедер! Я знаю, ты уже полчаса ждёшь эту девчонку. Выгрузи мешки.

Пока рыжая говорила по телефону, Вера вскочила и выглянула в окно. Перед ней лежала нескончаемая розовая долина, залитая солнцем. Яблоневые и вишнёвые деревья росли по берегам извилистой реки. Вода отливала фиолетовым и волновалась, как маленькое море. Справа виднелся синий лес

с круглыми деревьями, они склонялись до земли под грузом тяжёлых черничных ягод. Грибы ростом с Веру бегали туда-сюда по светлой долине от домика к домику, играя в прятки. Некоторые даже забирались на красные черепичные крыши и аукали оттуда. По улице шагали зайцы с портфелями. А на лимонных столбах вдоль песчаной дороги, что начиналась слева от реки и уходила вдаль, на маленьких дощечках висели объявления: «Не хотите ли выпить немного чаю?», или «Подарю замечательный кофейник», или «А кто хочет немного абрикосов?».

Вера не могла слова вымолвить от увиденного, но, подойдя к двери и распахнув её, вскрикнула: порог домика находился на ветке высоченного дерева, цветущего ирисами. Вера со страхом посмотрела вниз. Сидевшие под деревом муравьи, услышав крик, схватились за головы и побежали прочь.

— Не ори так, а то все муравьи разбегутся от ужаса, — сказал знакомый голос, и Вера увидела Мадлен, которая поднималась вверх по лестнице, огибавшей ствол дерева.

— Мадлен! Мадлен! Я ничего не понимаю, что это? Такого не бывает! — Девочка вцепилась в перила: она боялась высоты.

— Боже, сколько шума! — Мадлен остановилась, чтобы отдышаться.

Она была одета в голубую одежду, похожую на плетёную кольчугу, и держала в руках Верин футляр с флейтой. Поравнявшись с ней, Мадлен потянулась вперёд и чмокнула девочку, потом жестом пригласила её зайти в домик.

Старая Черепаха к этому времени уже закончила говорить по телефону. Увидев вошедших, она

вытащила из кармана большой зелёный блокнот и стала что-то отмечать. Мадлен недовольно завела глаза и причмокнула. Вера стояла молча. Наконец Старая Черепаха убрала блокнот и метнула на девочку сердитый взгляд.

— Ты всё ещё здесь? Я уже пятьсот раз отметила в книге наказаний твоё опоздание. Ты ещё стоишь? Хорошо, будешь сегодня работать до вечера, пока Бегбедер...

— Стоп. Извините, я прошу прощения, но произошла ошибка. Вы принимаете меня за другого человека, я не работаю у вас и не знаю, кто такой Бегбедер... — Девочка говорила тихо, но уверенно.

— Милочка, хватит выпендриваться! Сколько можно? Ты прекрасно знаешь — Бегбедер наш осёл, и сейчас он, навьюченный мешками, ждёт тебя в поле. Отправляйся немедленно!

Вера замахала руками:

— Мадлен! Скажите ей, что это недоразумение! Я хочу домой. Мне надо домой. Я уйду.

— И куда ты пойдёшь? — грустно улыбнулась Мадлен.

— Ну-у, не знаю. — Вера почувствовала смущение.

— Вот именно. Ты пойдёшь со мной в поле.

— Вот! Впервые слышу от вас здравые рассуждения, Мадлен. — Старая Черепаха расплылась в улыбке.

— Потому что вы мне слова вставить не даёте! — Мадлен раздражённо посмотрела на рыжую и приторно улыбнулась.

— Говорите — я даже знаю, что вы скажете. Волшебная палочка сломана, Ларусс работает день и ночь, но починить её не в силах, а с помощью

трёх волшебных слов и лёгкого движения ладони можно найти лишь грибы в лесу, да?

— Приблизительно. Я потом вам расскажу о своих идеях на этот счёт.

— Какие могут быть идеи? По-моему, мы уже всё испробовали, собрали всех детективов, поставили на уши лесных, речных и горных гномов. Гармонию давно бы изловили, если бы это было возможно!

Вера лихорадочно переводила взгляд то на Мадлен, то на Старую Черепаху, пытаясь понять смысл их слов, а когда обе замолчали, вновь подала голос:

— Простите, я не знаю, о чём вы спорите, но мне необходимо отправиться домой, я хочу, чтобы кто-нибудь показал дорогу.

Старая Черепаха расхохоталась:

— Опять ты затянула свою песню! Если прищичило сбежать, я согласна заключить пари. Найдёшь Гармонию — покажу, как выбраться отсюда.

Вера вытаращила глаза.

— Как это? Гармонию? Она что, живая?

— Мадлен, эта девочка глупая — найди мне другую! — Черепаха скептически покачала головой.

Мадлен смотрела на рыжую испепеляющим взглядом.

— Ну ладно, — ответила Черепаха сама себе, потом уныло обратилась к Вере. — Гармония живая. Именно так. В Тулузе вообще всё живое. Поговорим начистоту. Тебе надо домой, а мне надо спасти Гармонию. Договоримся? Ты поймаешь Гармонию, а я отправлю тебя домой. Идёт?

Вера в отчаянии сжала руки:

— А просто так вы меня не отпустите?

— Ни в коем случае! — Старая Черепаха ехидно усмехнулась.

— А где она? Где эта ваша Гармония? — поинтересовалась Вера с напряжением в голосе.

— Она исчезла много лет назад, не сказав никому ни слова, исчезла, и всё. С тех пор в Тулузе совсем нет музыки. Даже твоя флейта в обмороке. — Черепаха указала на футляр, принесённый Мадлен. — Запеть невозможно — музыкальные звуки уходят в пустоту. Инструменты, словно инвалиды, лежат в футлярах, не в силах пошевелиться, только изредка хрипят и кашляют. Пробовали давать им микстуры, но толку нет. Ирг превращает Гармонию то в цветок, то в лужу, то в дерево, то в какое-нибудь животное — угадать невозможно.

— Кто это?

— Кто?

— Ирг.

— Ах, ну да. Это король беснующихся мышей, который похитил Гармонию. Ирг обладает огромной силой. Побороть его почти невозможно. Вот уже несколько лет мыши ведут войну с майскими жуками — пытаются вызнать у них секрет полёта над землёй, — но жуки не сдаются. Пока держатся. Поэтому воздух, небо, облака и солнце ему ещё неподвластны. Ирг контролирует лишь то, что находится на земле и готов выдать Гармонию в обмен на секрет полёта. Парить над землёй — его мечта, но никто не уговорит майских жуков раскрыть своё искусство.

— Почему он не спросит у птиц?

— Ха! Ты бы ещё предложила спросить у куриц. Птицы — глупые существа: летают, не думая, для них полёт — то же, что для нас дыхание, они не

могут научить кого-то летать точно так же, как ты не сможешь научить дышать. Это под силу лишь майским жукам, но жуки — упорный народ. Такие никогда не выдадут тайны.

Вера провела указательным пальцем по остренькому тонкому носику, затем одёрнула красную кофту с капюшоном и присела на стул напротив Мадлен. Черепаха продолжала стоять.

— Знаете, майских жуков можно понять. Что будет с Тулузой, если беснующиеся мыши начнут летать!

— А что будет со всеми нами, если не вернётся Гармония? Ты подумала об этом? Ведь мы умрём от тоски. Конечно, беснующиеся мыши — самые злобные существа на свете, но...

— Постойте, так в Тулузе нет летучих мышей? — воскликнула Вера.

— Нет! И не надо. — Черепаха нервно и быстро жестикулировала.

— Понятно. Вернее, ничего не понятно. Надо заставить Ирга освободить Гармонию, но при этом не дать беснующимся мышам овладеть искусством полёта?

— Всё верно. — Черепаха приспустила очки на нос.

— И тогда я попаду домой? — Вера с надеждой посмотрела на Черепаху.

— Конечно. Как найдёшь — скатертью дорожка! А пока будешь жить в этом милом домике. Ну что, заключаем пари?

— Да. — Вера вздохнула.

— Только помни: если проиграешь, навсегда останешься в Тулузе. И шанса сбежать не получишь, будь уверена. Даю тебе на всё четыре мая.

— Хорошо. То есть как четыре мая? Четыре месяца, вы хотите сказать?

— Конечно, но ведь в Тулузе всегда май.

Мадлен, не проронив ни слова, встала и направилась к двери.

— Ну ладно, а теперь действительно пора заняться делом. Я провожу тебя в поле к Бегбедеру. По дороге поговорим.

— Всего хорошего, — с деланной улыбкой сказала Старая Черепаха.

— Всего наилучшего, — сказала Мадлен.